

Осип Мандельштам в Кремле (1918)

Об этом немного экзотическом эпизоде известно из воспоминаний Надежды Мандельштам: весной 1918 года поэт оказался в Кремле, в квартире секретаря Совнаркома и личного секретаря Ленина Н. П. Горбунова:

*«По приезде в Москву, например, в восемнадцатом году – он приехал с правительственными поездами – ему пришлось несколько дней прожить в Кремле у Горбунова. Однажды утром в общей столовой, куда он вышел завтракать, лакей, прежде дворцовый, а потом обслуживавший революционное правительство и не утративший почтительно-лакейских манер, сообщил О. М., что сейчас сам Троцкий “выйдут кушать кофий”».*¹

Этот случай в биографии поэта выглядит полностью изолированным от предшествующего и последующего, лишенным контекста. Отправную точку для реконструкции обстоятельств удастся найти благодаря воспоминаниям Л. Д. Троцкого, уснастившему свои мемуары яркими характеристиками, а также красочными деталями. Если взять в процитированном выше ключевыми словами «общая столовая» и «лакей» и открыть автобиографию Троцкого на главе «В Москве», то находим:

*«В Кавалерском корпусе, напротив Потешного дворца, жили до революции чиновники Кремля. Весь нижний этаж занимал сановный комендант. Его квартиру теперь разбили на несколько частей. С Лениным мы поселились через коридор. **Столовая была общая.***

*<...> Низший состав оставался на местах. Они принимали нас с тревогой. Режим тут был суровый, крепостной, служба переходила от отца к сыну. Среди бесчисленных кремлевских **лакеев** и всяких иных служителей было немало старцев, которые прислуживали нескольким императорам. Один из них, небольшой бритый старичок Ступишин, человек долга, был в свое время грозой служителей. Теперь младшие поглядывали на него со смесью старого уважения и нового вызова. Он неумоимо шаркал по коридорам, ставил на место кресла, сметал пыль, поддерживая видимость прежнего порядка. За обедом нам подавали жидкие щи и гречневую кашу с шелухой в придворных тарелках. <...>*

– Старичка Ступишина заметили? – спрашивал я Ленина.

*– Как же его не заметить, – отвечал он с мягкой иронией»*² (выделения наши – А. М.).

Совпадения в мемуарных источниках, а также излагаемые ниже сведения о местах жительства Ленина в Москве приводят к выводу: описанный в *Воспоминаниях* случай произошел в Кавалерском корпусе Кремля, а по времени – не раньше приезда в Москву Троцкого. Попытка еще больше уточнить время действия рассматривается ниже, а пока – несколько слов о Кавалерском корпусе.

¹ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: «Книга», 1989. С. 97. Далее – *Воспоминания*. В 1918 году Мандельштам еще не был знаком со своей будущей женой, и она передает его рассказ, относящийся, вероятно, к киевскому периоду 1919 года – времени их знакомства.

² Троцкий Л. Д. *Моя жизнь: Опыт автобиографии*. М.: «ПРОЗАИК», 2014. С. 288–291. Далее – *Моя жизнь*.

Это здание, единственное из трех одноименных, существовавших в 1918 году, пережило все кремлевские перестройки и сейчас называется 5-м корпусом Кремля. Фасадом смотрит на Дворцовую улицу (тогда переименованную в Коммунистическую). Выход на улицу сейчас закрыт, и попасть к фасаду можно только по специальному разрешению. Вот фотография.

Обратимся к передвижениям действующих лиц на исторической сцене.

Переезд правительства в Москву начался 10 марта, когда из Петрограда отбыл первый поезд с Лениным и его семьей. По прибытии их поместили в гостинице «Националь» (переименованной в 1-й Дом Советов) в номере 107. Там же разместились прибывшие с первым поездом члены Совнаркома и само учреждение. Существуют разногласия в дате, когда Ленин переехал из «Националя» в Кавалерский корпус. Биохроника вождя называет дату 19 марта³, однако будущий комендант Кремля П. Д. Мальков, приехавший в Москву 20 или 21 марта, в своих воспоминаниях пересказывает разговор со Свердловым, из которого явствует, что переезд в Кавалерский корпус еще только готовился.⁴ Другие источники называют конец марта или начало апреля, – по-видимому, более точную дату. Ее мы и будем придерживаться.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М.: Политздат, 1974. С. 321. Далее сокращенно: *Биохроника*.

⁴ «Я внимательно слушал четкие, предельно ясные и уверенные указания Якова Михайловича. Мои задачи становились мне все яснее, а Яков Михайлович продолжал: «Распределением квартир в Кремле тоже вы будете заниматься. Подумайте об оборудовании квартир: мебель, посуда, постельное белье. Ведь у большинства товарищей ничего нет, даже пары простыней, чашек, тарелок. А жить люди должны по-человечески. И столовую в Кремле надо поскорее наладить, небольшую, для наиболее загруженных и нуждающихся в усиленном питании товарищей – наркомов, их заместителей, членов коллегий. Есть у меня на примете отличный товарищ – Надежда Николаевна Воронцова. Хорошая из нее получится заведующая. Вот ей и поручите это дело. Да, когда будете оборудовать квартиры – а мы в ближайшее время ряд товарищей из «Националя», «Метрополя» переселим в Кремль – на дворцовое имущество особо не рассчитывайте, лучше берите из гостиниц, из того же «Националя»» (Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М.: Воениздат, 1987. С. 144–145).

После отъезда Ленина Троцкий еще некоторое время оставался в Петрограде, занимаясь ликвидационными делами, и в Москву прибыл не позднее 19 марта.⁵ Жил также в «Национале», и одновременно с Лениным переехал в Кавалерский корпус на 2-й этаж. Квартира Ленина имела номер 24. В следующую квартиру – в здании Судебных установлений (Сенат), последнюю в Кремле, – Ленин перебрался осенью, приблизительно в октябре. В Сенате после смерти вождя была устроена мемориальная квартира, которую со временем перевели в Горки, и ныне в Кремле ни одного мемориального комплекса, связанного с Лениным, нет.

Горбунов перебрался в Москву еще позднее. По содержанию его записок и ответов Ленина в *Биохронике*, весь март и начало апреля он занимался делами в Петрограде (хотя, возможно, время от времени совершал кратковременные поездки в Москву), и только в промежутке между 5 и 10 апреля *Биохроника* фиксирует то, что он вернулся к исполнению обязанностей секретаря Совнаркома.⁶ Квартиру он, надо думать, занимал, как и раньше, рядом или вблизи от ленинской. Таким образом, Мандельштам мог появиться в Кавалерском корпусе не раньше первой декады апреля.

Мандельштам в конце февраля устроился на должность делопроизводителя секретариата Комиссии с чрезвычайными полномочиями для разгрузки и эвакуации Петрограда.⁷ Должно быть, именно здесь он познакомился с Горбуновым, который, как удалось выяснить при обзоре ленинских документов, был направлен в состав Комиссии от Совнаркома.⁸ В течение марта, как уже отмечено выше, Горбунов занимался делами эвакуации в должности «председателя Всероссийской эвакуационной комиссии».⁹ Когда он окончательно уезжал в Москву в начале апреля, – вероятно, в одном из «правительственных поездов» (как говорится в процитированных воспоминаниях Н. Мандельштам)¹⁰, – Мандельштам мог присоединиться к нему, но, не исключено, приехал позже. С 8 по 30 апреля в летописи его жизни сведений о местопребывании не находим. 13 апреля его имени нет в анонсе и в отчетах о вечеринке в Академии художеств, в этот период он и мог быть в Москве. С 1 по 7 мая поэт находится в Петрограде – увольняется из Комиссии по разгрузке и участвует в «Утре о России» в Академии Художеств, а к 21-му мая окончательно перебирается в Москву – живет в гостинице «Метрополь» (2-й Дом Советов) и 1 июня приступает к работе в Наркомпросе.¹¹ Таким образом, вероятность его поездки в Москву вместе с Горбуновым приблизительно 8–9 апреля есть, но настолько же вероятно, что он явился к Горбунову в апреле позднее. Зачем?

⁵ «Чтоб смягчить впечатление от разжалования октябрьской столицы, я оставался еще, в течение недели или полутора, в Питере. Железнодорожная администрация продержала меня при отъезде на вокзале несколько лишних часов: саботаж свертывался, но еще был силен. В Москву я прибыл на другой день после назначения меня комиссаром по военным делам» (*Моя жизнь*. С. 288).

⁶ *Биохроника*. С. 362.

⁷ Нерлер П. Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 годах // Вопросы литературы. 1989. № 9. С. 275. Комиссия, вскоре переименованная в Коллегию, в тревожное время немецкого наступления занималась эвакуацией из Петрограда сырьевых запасов и продукции крупнейших оборонных заводов (Адмиралтейского, Балтийского судостроительных, Обуховского, Охтинского снарядного, Шлиссельбургского порохового и др.).

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1970. С. 417.

⁹ *Биохроника*. С. 343

¹⁰ Правительственные поезда в течение марта продолжали перевозить в Москву персонал и имущество наркоматов. Так, П. Д. Мальков 20 или 21 марта приехал с поездом, перевозившим Наркоминдел (Мальков П. Указ. соч. С. 140).

¹¹ Летопись жизни и творчества [О. Э. Мандельштама]. М.: «Прогресс-Плеяда», 2014. С. 138–139. (Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем : В 3 т. ; Прилож.), далее – *Летопись*.

Однажды, когда мы обсуждали кремлевский эпизод с Сашей Морозовым¹², тот сказал мне: «Мандельштам дал Горбунову меморандум и попросил передать его Ленину. Горбунов ответил, что Ленину он передавать не будет, но положит в его архив». Мне кажется, что я воспроизвожу эти две фразы Саши почти точно, поэтому заключаю их в кавычки. По контексту разговора, ключевое слово следовало бы также взять в кавычки и дать с прописной, как «Меморандум», потому что подразумевалось произведение Мандельштама. Ничего о содержании Морозов, как я также уверен по контексту разговора, не знал, как возможно, не знала его Надежда Яковлевна, от которой он и получил эти сведения. Гадая о содержании этого произведения, прежде всего следует иметь в виду буквальное значение названия – это дипломатический документ, вручаемый представителем одной высокой договаривающейся стороны представителю другой такой же стороны с изложением взглядов на какой-либо вопрос. Отсюда можно предполагать, что содержание касалось актуальных политических событий. Также можно предполагать, что в нем имелись какие-то переключки с написанными в близкое время прозой и стихами. Имею в виду прежде всего «Государство и ритм», где говорится, что «антифилологический характер нашей эпохи не мешает считать ее гуманистической» и характер актуальной действительности определяется как «филологическое предательство». Аналогичные пассажи есть и в статье 1920 года «Слово и культура».¹³ Определенным стимулом к попытке установить отношения с главой государства могла явиться недавно вышедшая отдельным изданием (не позднее 31 марта по данным *Био-хроники*) работа В. И. Ленина «Государство и революция», две титульные темы которой явились стержневыми в мандельштамовском «Гимне» («Прославим, братья, сумерки свободы...»), написанном в июне. Так ли, иначе ли, но «Меморандум» был хорошим поводом, чтобы явиться к Горбунову в Кремль. А заодно – попросить содействия в устройстве на работу в Москве (Надежда Мандельштам на той же странице «Воспоминаний» пишет о встрече поэта с Г. В. Чичериным в Наркоминделе по этому вопросу, что могло быть устроено по звонку или записке Горбунова).

В свое время я сделал скромную попытку поиска «Меморандума» в РГАСПИ (ныне РЦХИДНИ) – смотрел описи, расспрашивал консультанта читального зала. Он ответил, что если бы такой документ в фондах имелся, то был бы уже давно опубликован. И все-таки хотелось бы надеяться, что найдется.

¹² Александр Анатольевич Морозов (1932–2008), о нем см. статью в «Википедии».

¹³ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем : В 3 т. Т. 2. С. 47, 50, 497, 499.